

“Я частное лицо и совершенно безвестный человек”

Андрей Звягинцев — Газете

Андрей Звягинцев: «Когда на меня не обращали внимания, было комфортно» Фотограф: Франк Вильягра/Газета

◀ 01 стр Практического применения для визиток пока не находите?

Пока нет. За исключением тех случаев, когда обещал пригласить на премьеру. Еще компания американская, которая предложила стать моим агентом. Но дело не в этом: я говорю об образе. У меня никогда не было такого. Я частное лицо и совершенно безвестный человек — так себя всегда ощущал. Так я жил, мне это было очень комфортно. Сейчас я это могу сказать: когда на меня не обращали внимания, было комфортно.

Есть ощущение, что теперь придется жизнь радикально менять? Накапливается такое ощущение. Нужно будет что-то поменять. Телефоны, например. Причем все.

«я знаю, какая у меня сексуальная ориентация»

До недавнего времени если кого-то что-то у вас интересовало, то это не было связано с личной жизнью. А сейчас всем стали интересны ваши привычки, история семьи, стиль одежды, сексуальная ориентация. Как с этим справляетесь?

Я не хочу никого впускать в дом, не хочу участвовать в передаче «Пока все дома», не хочу пускать в свой внутренний мир, в семейные и личные отношения. Я человек, наверное, мягкий, и когда мне задают вопрос, иногда сам не замечаю, что на него отвечаю. Так я ответил в одном интервью о своем статусе — холост или не холост — правду сказал, а потом подумал: зачем я это сказал? Тогда только понял, что не хочу говорить о личной жизни. Иногда проговариваюсь, но я бы не хотел. Мне неинтересно стать такой фигурой, про которую известно, во что одевается, любит цвет такой-то, предпочитает красное вино, а не пиво.

Но ведь чем дольше будете держать инкогнито, тем больше все будут интересоваться!

Есть человек, а есть мнение о нем, которое каким-то образом муслируется. Умные люди отделяют одно от другого. Я недавно имел общение с персонажами, известными всем, о которых ходят некоторые мифы. Встретился, общался и вывел для себя, что нужно относиться осторожно к тому, что говорят. Нужно своими собственными глазами видеть и иметь дело непосредственно с человеком. Остальное — досужие домыслы, дурацкие легенды, выдумки. Я это понял еще на том фоне, который возник вокруг фильма.

Вы уже выработали защитную стратегию, как блюсти себя в океане этих мифов?

Нет, стратегии нет. Разве что банальная фраза: «Без комментариев, следующий вопрос». Я бы не хотел говорить о вещах, которые мне дороги и являются интимной частью жизни. Пусть обо мне говорят что угодно — про мою сексуальную ориентацию... Я знаю, какая у меня сексуальная ориентация, что бы обо мне ни говорили в прессе — пока не пишут, не будут, можно не сомневаться, — так и ради бога, пусть говорят. Ну, опровергну, скажу, что я «вот такой-то ориентации». Опять же не поверят. Так что нет смысла говорить о том, о чем на самом деле нельзя говорить. Мы не в такой стране живем — хотя у нас это все насаждается, появляются книги... странные книги мемуарного жанра. Они снимают запреты, которые здесь еще пока держатся.

Это не наша традиция — говорить о сексуальной ориентации и о том, в каком белье и с кем я сплю. Дешевый американизм, поп-корн. Вопрос не в превосходстве нашей цивилизации. Она просто другая, и мне она органичнее, потому что я здесь живу скоро уже будет сорок лет. Я плод этой цивилизации и не могу понять, зачем нужно писать о ныне живущей молодой особе, как она в постели прыгает обезьянкой... Есть основное блюдо, а есть

гарнир. Есть искусство, которое ты делаешь, а есть личная жизнь. В ней ты можешь быть кем угодно, но зачем выносить это на всеобщее обозрение?..

«режиссер конструирует мир, а актер его населяет»

Как вообще, по-вашему, получилось, что вдруг героями для публики перестали быть актеры, а их место заняли режиссеры, всегда остававшиеся в тени звезд?

Я об этом не думал... Попытаюсь безответственно сымпровизировать. Раньше мир был как-то девственнее — он был настолько девственным, что не замечал главного героя. Я недавно встречался с ребятами из фильма «Бумер», и один актер мне сказал: «Раньше я снимался в эпизодах, а сейчас попал в структуру комманды, был на всех этапах съемок и понял вдруг, что такое актер и что такое режиссер, насколько несоотносимые фигуры. У меня десять дней из сорока, потом я пришел озвучиваться, делал мучительно десять дублей одной реплики... Тут я осознал, что выбирает реплики режиссер, и у него не мои десять реплик, а всех десяти героев, и в каждом эпизоде, и их сотни. И он должен выбирать».

Я далек от того, чтобы утверждать, что публика сейчас начала понимать, как делается кино. Но в этом есть какой-то момент справедливости. Режиссер — человек, который конструирует мир, а актер его только населяет. Раньше зритель сопереживал герою, соотносил себя с ним, влюблялся в него. Может быть, сейчас наступил момент отстранения? Через фильмы Питера Гринуэя, которые абсолютно конструктивны, нельзя не заметить его талант, сидя в зале! Или в том, что делает Ларс фон Триер в «Догвилле», — это удивительно, такой риск, он решается на абсолютное, тотально условный прием! Пойти до конца с этим вертикальным планом, когда мир виден сверху... Он ставит себя в роль Зевса, олимпийского бога, который смотрит с небес. Не заметить роль этого «персонажа» уже нельзя.

Похоже, вы следите за развитием зарубежного кино. А смотрите современное русское кино? Как оно вам нравится?

Я смотрел фильм «Война», «Бумера» посмотрел. Очень бы хотел посмотреть «Коттебель» — не получилось попасть на премьеру, хотя меня звали. Хочу посмотреть «Прогулку», очень хочу увидеть фильм Германа-младшего. Получается, что в большинстве это фильмы, которые я хотел бы посмотреть, но пока не видел. А оценки... Я так скажу: у меня есть надежда на то, что у нашего кино есть надежда. Даже не ввиду того, что было снято, а по закону энергии. Сейчас была долгая пауза, мы по синусоиде ушли вниз, на чудовищное дно. Есть надежда, что это начнет выправляться. Это не связано никак с моим фильмом и ни с каким другим. Просто воздух уже как-то наэлектризован. Мне кажется, что даже идейно кино поманеется. Берлога, в которую медведь залегает, чтобы накопить энергию, может быть, и была нужна, чтобы что-то поменятьось в идейном строе. Кино всегда развивается, движется. Посмотрите, например, фильмы Линча: это же тотальное разрушение любых законов и запретов! Но он, конечно, может себе эту дерзость позволить. А люди, которые работают у нас, в особенности молодые, понимают, под каким они прессом обстоятельство? Они не в состоянии рисковать. В последнее время все было обусловлено тем, что люди должны были возвращать деньги, и они работали, чтобы деньги вернулись. И у них не получалось. Человеку отрезали все корни и все верхушки, пересадили и сказали: теперь что-нибудь роди. А еще добавляют, что сейчас модно это, это и это. Вот он и думает: «Дай-ка я это соединю, кого-то обману, сделаю такой коктейль...», но обманывает самого себя. Они обманывали самих себя и делали то, что не нужно ни им, ни зрителю, ни кассе, ни фестивалям.

«свой первый фильм я снял на камере «Киев 16 У», но засветил пленку»

Сейчас много говорят о «новой волне» русского кино, флагманом которого поневоле стало «Возвращение». Как вы считаете, она действительно существует?

Именно поневоле фильм попал в круг таких мыслей. Я далек от таких амбиций, это уже просто чрезмерность какая-то. События нужно разложить на какие-то полки, и вот люди раскладывают. Название фильма сыграло тут роль, победа, которой давно жаждали, сыграла роль. Я не говорю, что поднимется сейчас волна авторского кино — я не знаю, я вообще могу отвечать только за то, что делаю сам. Но ощущение того, что этот миф как-то воздействует на людей, у меня есть. В этом мифе нет ничего дурного, но я бы не хотел, чтобы он проистекал от меня. Я делал частное дело, я был уверен, что снимаю кино, которое будет интересно мне и узкому кругу людей. Я надеялся, что еще кто-то это увидит и разглядит.

А конкретно на кого-то повлияла победа «Возвращения»?

Один человек сказал, что благодаря моему фильму он получил бюджет, который пробивал бесконечно долго: сразу после этих двух «Львов» ему сказали: «Давай запускайся». Знаю человека, который ушел с телевидения — причем ушел в никуда, просто ушел, сказав: «Не хочу больше заниматься г...ном». Знаю, что один мой друг, кинематографист, совершенно пока неизвестный режиссер, который снимал видеоклипы и рекламу, а сейчас снял фильм на свои деньги, позвонил мне и сказал: «Андрей, после Венеции разговоры только об этом, и есть такое ощущение, что молодые режиссеры хотят наконец-то начать делать что-то другое».

Это мой друг, с которым мы служили в армии, которому я многим обязан — он мне посоветовал Мишу Кричмана, оператора, с которым я работал в «Черной комнате» и «Возвращении». Кричман тоже неопит, не учился во ВГИКе, не знает ремесла. Он выписывал журнал American Cinematographer и по нему учился. Я говорю: «Миш, напиши им, что ты научился кинематографическому искусству на их журнале», а он мне: «Слушай, между прочим, а ведь так и есть».

А на чем учились профессии вы — вы ведь тоже не оканчивали ВГИК?

Я знаю, что у многих известных персонажей есть истории о том, как они в детстве снимали кино... или мечтали снимать. Я думаю — что ж такое, все мечтали и все снимали, почему я не снимал? И тут вспомнил фантастическую историю. Моя мама, преподаватель русского языка и литературы, в силу некоторых причин в течение многих лет была вынуждена работать в детском клубе. И у нее в клубе была 16-миллиметровая кинокамера, «Киев 16 У» называлась. Естественно, ею никто в клубе не пользовался. Однажды я купил пленку — причем понятия не имел, какую покупать. Я решил снять фильм. Придумал, раскадровал. Он был очень коротким — минуты на две. Я вообще ничего не знал, мне было лет двенадцать-четырнадцать. Я думал, что снимается сначала один кадр, потом «стоп» — и следующий, и вот это и есть смонтированный кусок. Съемка была последовательной, я все продумал. И снял. Но самым интересным было, что я его не проявил. Потому что заряжал пленку... при свете дня. Вручную перематывал, заряжал и потом начал снимать. Потом я отнес ее одному человеку, говорю: «Мне нужно проявить пленку» — все ему рассказал, как раскрутил коробок, распечатал черную бумагу, зарядил... А он мне говорит: «Молодой человек, что же вы наделали!» Вот так я и снял свой первый фильм.